

—

Что же произошло? Лю Цзинсюань тщательно всё вспомнил.

В тот год, отправляясь на корабле в Лянчжоу, он нёс на себе доверие императора и надежды семьи, в его сердце жило желание совершить великие дела. В его воображении всё было прекрасно.

Но когда он действительно прибыл на место, то обнаружил, что всё очень сложно.

В Лянчжоу было четыре крупных торговых дома — Чжао, Лю, Ван и Юэ. Их богатство было необычайным. Они возглавили объединение с мелкими торговцами и основали Торговую палату Лянчжоу. Все четыре семьи были связаны браками, переплетаясь в Лянчжоу такими корнями, что затронуть одну означало затронуть все четыре.

Вся резиденция губернатора давно была подкуплена ими. Для этих чиновников не имело значения, сменился губернатор или нет. Серебро, которое они получали от этих четырёх семей, намного превышало жалованье, выплачиваемое правительством.

Вначале Лю Цзинсюань был полон уверенности, полагая, что сможет изменить ситуацию. Несколько крупных торговцев из Торговой палаты хотели пригласить его на ужин, послушать музыку, встретиться, но он, не раздумывая, сразу отказался.

Он совершенно не желал водиться с этими людьми и тем более не собирался давать им хоть какую-то надежду.

Те люди не рассердились, лишь сказали, что ничего страшного, ещё будет время.

Лю Цзинсюань не воспринимал всерьёз толпу низкоранговых торговцев, но постепенно он обнаружил, что чиновники в резиденции губернатора внешне подчинялись ему, но втайне игнорировали его приказы. Людей, которых он хотел арестовать, никогда не удавалось поймать, а политические меры, которые он пытался провести, повсюду встречали препятствия и совершенно не могли быть реализованы.

А пока он не знал, его самый доверенный человек, Лю Сань, был ослеплён деньгами и потерял рассудок. Иначе и быть не могло: деньги, которые те люди давали ему за просто, были больше, чем Лю Сань видел за всю свою жизнь.

Деньги давались, красавицы сопровождали, и сердце Лю Саня, естественно, искривилось.

Лю Цзинсюань с детства был баловнем судьбы, объектом лести для других, и совершенно не ожидал, что работать в Лянчжоу будет так тяжело. За два месяца в Лянчжоу он ничего не добился, и боялся, что император сочтёт его неспособным, отчего в его груди застрял комок.

Он мечтал, чтобы путь был прямым.

Лю Сань, естественно, знал о его печали, поэтому, когда Торговая палата в очередной раз прислала человека с предложением поужинать с Лю Цзинсюанем, он начал уговаривать Лю Цзинсюаня сначала пообщаться с этими торговцами, чтобы понять, чего они хотят.

В то время Лю Цзинсюань больше доверял Лю Саню, и, поразмыслив, решил, что его слова имеют смысл: как можно ухватиться за слабость противника, не зная его?

Итак, Лю Цзинсюань согласился на это приглашение от Торговой палаты.

В Цзяннани прекрасные пейзажи, много местных дворян.

В тот вечер, в самом процветающем ресторане Лянчжоу, Лю Цзинсюань впервые встретился с четырьмя крупнейшими торговцами Лянчжоу и некоторыми образованными джентльменами и знатными семьями.

Говоря о первой встрече, эти торговцы выглядели добродушными и благожелательными.

Зная, что учёные люди высокомерны, они поручили тем господам поговорить с Лю Цзинсюанем, обсуждая стихи и классические аллюзии, чтобы завязать разговор. А сами они сидели рядом и слушали, ведя себя крайне скромно.

Что бы ни говорил Лю Цзинсюань, они со всем соглашались, даже если он произносил саркастические замечания, они с радостью принимали их.

После того ужина те люди заявили, что они просто хотели познакомиться с Лю Цзинсюанем и не имели других намерений, ведь, познакомившись, они становились друзьями.

В ту ночь Лю Цзинсюань холодно наблюдал за ними, думая, что должен обязательно посмотреть, какие трюки они собираются выкинуть.

В итоге, той ночью ничего не произошло. После той ночи никто даже не прислал Лю Цзинсюаню ни единой монеты, и никто не просил его что-либо сделать.

Наоборот, те чиновники быстро выполняли его приказы.

Его эффективность в делах росла, политические достижения становились всё более впечатляющими, а репутация улучшалась, распространяясь из Лянчжоу до самой столицы.

Его отец и император были довольны этим, считая, что он добивается больших успехов в Лянчжоу.

Лю Цзинсюань, увидев эту ситуацию, понял, что эти торговцы хотели преподать ему урок, чтобы он знал, чья это территория в Лянчжоу. Если он отказывался от их приглашений на ужин, они делали его жизнь в Лянчжоу невыносимой.

Лю Сань тогда согласился, сказав, что он был абсолютно прав, те торговцы намеренно так поступали, а затем этим поведением давали им понять, что если они хотят жить в мире, то должны уважать этих людей.

Что тогда сказал Лю Цзинсюань? Он сказал, почему он, благородный губернатор, должен угождать какой-то группе торговцев?

Лю Сань не ответил, лишь посоветовал ему немного смягчить характер, хотя бы внешне.

Лю Цзинсюань проигнорировал слова Лю Саня, не желая смягчаться по отношению к этим торговцам, и в то же время не хотел терять свою репутацию. Поэтому он воспользовался этой возможностью, чтобы реформировать правительство префектуры, уволив всех непослушных чиновников-задир и временно назначив на их место доверенных людей, которых он привёз с собой.

Эти люди подчинялись только его приказам. В свободное время Лю Цзинсюань также планировал найти честных людей из бедных семей, чтобы поддерживать порядок в резиденции губернатора.

Он делал всё это без каких-либо затруднений.

Впоследствии, Торговая палата ещё несколько раз приглашала его на ужины. Каждый раз они отправлялись в самые изысканные места, слушали самую прекрасную музыку и любовались самыми грациозными танцами.

Люди, сопровождавшие его, были как красивые, так и талантливы.

У учёных людей есть такие увлечения, и Лю Цзинсюань не был исключением, но он всегда был настороже, ожидая, когда эта группа сделает свой ход, поэтому ни разу не выдал своих истинных чувств. Однако эти люди, казалось, просто приглашали его на ужин, желая узнать его поближе, и не имели никаких других намерений.

Лю Сань спросил: не пытаются ли эти люди нарочно их испытать, ища их слабые места?

Лю Цзинсюань подумал, что это очень вероятно. В любом случае, нерв в его душе всегда был напряжён. Он никогда не пил вина, обедая с этими людьми, боясь, что алкоголь приведёт к неприятностям.

Пока он наводил порядок в правительственных учреждениях, в столице уже распространилась весть о том, что Лю Цзиньи собирается выйти замуж за наследного принца. Тогда он уже твёрдо решил свергнуть этих купцов и торговую палату.

И те купцы, услышав новость о предстоящем браке семьи Лю с наследным принцем, снова пригласили его в ресторан, их лица были полны тревоги, и они лишь умоляли о пощаде.

Лю Цзинсюань смотрел на них, чувствуя некоторое самодовольство.

В ту ночь он выпил чашку чая, которую подал ему Лю Сань, и вскоре после этого его голова закружилась.

Он почувствовал, как его ввели в комнату, полную ароматов. Он многое мог ощущать, но не мог контролировать себя.

На следующее утро он проснулся в крупнейшем борделе Лянчжоу, рядом с ним лежала чистая куртизанка, которая обычно только выступала, но не продавала себя, обладающая исключительным талантом и красотой. Возле кровати лежали различные долговые расписки с его отпечатком пальца.

Вскоре из комнаты донёсся крик горничной, и многие узнали, что он, губернатор Лянчжоу, провёл ночь в борделе. В Великой Чжоу был закон, который запрещал чиновникам уголовного правосудия, надзора и префектур посещать проституток.

Тогда Лю Цзинсюань уже понял, что попал в яму, вырытую другими.

Когда он, смущённый, вернулся в правительственный округ, Лю Сань вместе с приведёнными им из столицы слугами упал перед ним на колени, рыдая и умоляя о прощении, говоря лишь, что они не удержались и были пойманы с поличным.

Если бы в тот момент Лю Цзинсюань действительно пошёл на полное уничтожение с этими людьми, написав письмо в столицу, он, хотя и потерял бы чин и доверие императора, не продолжил бы погрязать в этом болоте.

Но в то время Лю Цзинсюань не хотел терять свой пост и не смел, потому что брак Лю Цзиньи с наследным принцем только что был заключён.

Если бы с ним что-то случилось в этот момент, опозорив его семью, этот брак, несомненно, был бы расторгнут. Тогда не только репутация Лю Цзиньи пострадала бы, что затруднило бы ей

найти лучшего мужа в будущем, но и отец получил бы выговор от императора за плохое воспитание сына, и семья Лю была бы разрушена.

Позже кто-то принёс ему договор о покупке дома и несколько долговых расписок с его отпечатками пальцев. Дом находился недалеко от губернаторской резиденции, и эта куртизанка уже поселилась в нём.

Посыльный ничего не сказал, оставляя выбор за ним.

Лю Цзинсюань долго молчал, принял право собственности на дом и долговые расписки. Позже оставшиеся долговые расписки были сожжены у него на глазах.

С тех пор он знал, что не может изменить Лянчжоу, даже если и сможет, то только идя на компромиссы с теми людьми, а по сути, ничего не изменится.

Он сдался. Его семья была честной и очень осторожно относилась к расходам.

Но в Лянчжоу он постепенно привык пить вино, которое стоило десятки лян за кувшин, есть еду, которая могла стоить сотни лян, и носить лучшую одежду.

Деньги, самые разные красавицы — они присылали, а он принимал.

Держаться своих принципов очень трудно, а вот ассимилироваться — очень быстро.

Легко предаваться наслаждениям, трудно соблюдать свой долг.

Последние несколько лет так и проходили: торговцы присылали ему серебро, а он предоставлял им защиту.

У какой из крупных торговых семей не было бы кого-то, кто натворил бы глупостей? Если что-то случалось, пока он оставался губернатором Лянчжоу, всё легко улаживалось.

Лю Цзинсюань не делал ничего хорошего для простых людей, но то, что он делал для них, лишь в малой степени противоречило интересам торговцев. Пока не было абсолютного конфликта интересов, торговцы не слишком сильно давили на него.

Те торговцы за его спиной обзывали его показным праведником, но не осмеливались по-настоящему смертельно оскорбить его в лицо.

Как только коррумпированный чиновник становится безжалостным, он тоже может лишиться жизни.

Аппетит Лю Цзинсюаня к деньгам становился всё больше, его оправдания для получения денег — всё абсурднее, а его поведение — всё развратнее. Ночёвки в публичных домах были обычным делом. Эти торговцы всё больше ему доверяли. Пока Лю Цзинсюань не переходил черту, они оставались в одной лодке, и всё было хорошо.

Лю Цзинсюань даже использовал деньги для создания собственной фракции; ведь пока есть деньги, найдутся и те, кто будет рисковать своей жизнью, и эти торговцы не осмеливались идти с ним на открытый конфликт.

Обе стороны поддерживали такое тонкое равновесие.

Использовали друг друга и одновременно опасались.

До начала этого года, когда эти люди решили затронуть его отца.

Лю Цзинсюань всегда понимал, что эти люди хотели вовлечь в свою игру его отца и наследного принца. Какой губернатор мог сравниться с главой Академии Ханьлинь и с самим наследным принцем?

Если бы они стали одним целым, и наследный принц взошёл бы на трон, то у них не только был бы компромат на наследного принца, но и заслуга в его восхождении, что, естественно, принесло бы им ещё больше выгоды.

Но последние два года Лю Цзинсюань всё время стоял впереди и не связывался с ними. Теперь, видя, что он не может больше сдерживать их, ему оставалось только заявить этой группе, что он согласен, но большая часть прибыли достанется ему.

Успокоив эту группу, он втайне действовал как можно быстрее.

Эти люди смели мечтать, а он нет.

В последние два года не было ни одного подчиненного чиновника, который бы не доложил о его делах наверх, но большинство этих людей были ими привлечены на свою сторону, а небольшая часть была убрана людьми Лю Саня.

Лю Цзинсюань всегда брал деньги, но убийствами не занимался.

Если он не делал этого, те люди поручали это Лю Саню, и впоследствии отчитывались ему. Он никак не мог очиститься.

Уездный магистрат Суаня, Ван Синь, был исключением.

Ван Синь в обычное время производил впечатление трусливого человека, к тому же Суань не был богатым уездом, поэтому на него не обращали особого внимания.

Лю Цзинсюань случайно обнаружил, что Ван Синя можно использовать, поэтому на этот раз он намеренно воспользовался рукой Ван Синя, чтобы отправить доклад в столицу. Он знал, что первый принц, Сяо Жун, всегда был в плохих отношениях с наследным принцем, поэтому намеренно отправил доклад в резиденцию Сяо Жуна. Чтобы Ван Синь не проболтался и чтобы сохранить ему жизнь, Лю Цзинсюань поймал его и запер в подвале.

У Лю Цзинсюаня за эти два года были свои люди, поэтому Лю Саню, естественно, не нужно было вмешиваться в это дело, и люди из Торговой палаты об этом не знали.

Так что в целом это дело прошло довольно гладко.

Когда из столицы в Лянчжоу пришла новость о доносе Ван Синя на него, он воспользовался случаем и отчитал тех людей из Торговой палаты.

Он велел им немедленно найти Ван Синя, но, естественно, его не нашли.

Все говорили, что Ван Синь сбежал.

В это время Лю Цзинсюань подготовил два варианта: если император пошлёт в Лянчжоу кого-то из окружения наследного принца, он открыто признается в своих преступлениях. Если император пошлёт кого-то другого, то до их приезда он напишет отчёт о своих проступках для наследного принца.

В общем, он был не из лучших, но действительно не осмеливался втягивать свою семью и супругу наследного принца.

Услышав о приезде Сяо Шаня, он успокоился. Он давно слышал от своего отца, что Сяо Шань очень верен наследному принцу. Затем он использовал эту причину, чтобы успокоить Торговую палату, а сам вёл себя так же нелепо, как и раньше.

Он не мог скрыть того, что сделал, и сейчас не собирался. Когда дело дошло до этого, Лю Цзинсюань хотел только лично заявить о своих преступлениях, по крайней мере, чтобы наследный принц знал, что он не хотел ему вредить.

Так будет лучше и для Лю Цзинь.

Выслушав слова Лю Цзинсюаня, все замолчали.

Сяо Шань сказал: «По-вашему, так ведут себя все чиновники в Цзяннани?»

Лю Цзинсюань кивнул.

Сяо Шань сказал: «А что насчет губернатора Цзяннани Гу Иня? Был ли он таким же, как вы? Знал ли он о ваших преступлениях? Защищал ли он вас?»

Именно о Гу Ине он больше всего хотел спросить.

Преступления Лю Цзинсюаня можно было объяснить тем, что он был братом супруги наследного принца, и его связь с наследным принцем была незначительной.

Но Гу Инь был другим. Гу Инь был родным дядей Сяо Цзиня по матери и губернатором Цзяннани. Если бы он совершил преступления, это легко могло бы привести к предположениям, что это было указанием семьи Гу из столицы, или волей наследного принца.

В регионе Цзяннань, для наследного принца, Лю Цзинсюань, возможно, ничего не значил, но Гу Инь был ключевой фигурой.

Сяо Шань мог бы не спрашивать, но Цзун Цин проверит. Если у Гу Иня действительно есть проблемы, то, как бы трудно ни было, Цзун Цин доложит. Лучше было спросить прямо, чтобы он был готов.

Лю Цзинсюань сказал: «Господин Гу отличается от вашего подчинённого. Господин Гу происходит из благородного рода, его семья имеет глубокие корни, и деньги совершенно не могут повлиять на него. Его методы решительны, и никто не смеет строить козни против него. Преступления вашего подчинённого, в конце концов, заключаются в ограниченности кругозора и непостоянстве сердца. Ваш подчинённый не может сравниться с господином Гу».

Сяо Шань опустил глаза и больше ничего не сказал.

Цзун Цин, сидевший рядом, тоже вздохнул с облегчением. Он боялся, что Лю Цзинсюань вдруг скажет, что Гу Инь такой же.

В таком случае он не знал бы, как доложить императору.

Хотя он был предан императору всем сердцем, но лично отрубить руку наследному принцу — такое дело он всё же должен был обдумать.

Лучше всего, если этого дела не будет.

«Несколько торговцев могут вертеть государственным чиновником, как марионеткой, это просто смешно». Сяо Шань встал и стряхнул несуществующую пыль со своей одежды, сказав: «Раз так, то, господин Лю, передайте этим так называемым крупным торговцам: вы

организуите для меня и господина Цзуна встречу, и мы с господином Цзуном тоже хотим познакомиться с методами этих торговцев».

«Господин Лю, я хочу увидеть великое представление Лянчжоу. Пусть они хорошенько подготовятся в эти несколько дней. Господин Лю, скажите им, чтобы тогда они меня не разочаровали. А что касается того, как говорить, господин Лю, хорошенько подумайте».

Лю Цзинсюань, естественно, не посмел отказать.

—

В течение многих лет Торговая палата Лянчжоу управлялась поочередно несколькими семьями, и в этом году настал черёд семьи Чжао.

Услышав, что кто-то явился в резиденцию губернатора, и Лю Цзинсюань выбежал встречать их, не успев даже одеться, председатель Чжао немедленно созвал остальных членов Торговой палаты, и все собрались, чтобы обсудить этот вопрос.

Не успели они толком сесть, как тут же начали высказывать свои мнения, выдвигая различные предположения. Самым распространённым было предположение, что Лю Цзинсюань встречал императорского посланника из столицы, а точнее, что это был Сяо Шань.

Люди из четырёх знатных семей больше всего хотели знать, почему Сяо Шань приехал в Лянчжоу отдельно от процессии императорского посланника: хотел ли он тайно расследовать дело Лю Цзинсюаня или приехать заранее, чтобы помочь Лю Цзинсюаню разобраться с беспорядком.

Одни склонялись к первому варианту, большинство же считало, что это был второй.

В их глазах Сяо Шань был человеком наследного принца, и, естественно, он не мог тронуть Лю Цзинсюаня, шурина наследного принца, если только у Сяо Шаня не было иных помыслов относительно наследного принца.

Но они так и не пришли к единому мнению, как вдруг к воротам Торговой палаты подъехала карета Лю Цзинсюаня.

Услышав, что Лю Цзинсюань прибыл лично, председатель Чжао и остальные были несколько удивлены.

Лю Цзинсюань был самым лицемерным человеком: он брал деньги, спал с красавицами, а также втайне развивал свои собственные силы, чтобы конкурировать с ними. За эти годы они много раз имели дело друг с другом, но Лю Цзинсюань всегда придерживался своей позиции учёного и никогда не посещал их Торговую палату, говоря, что там полно запаха денег.

Сегодня же, по какой-то причине, он приехал лично.

Как бы ни думали все про себя, они все сразу же поприветствовали Лю Цзинсюаня и проводили его внутрь.

Лю Цзинсюань вошёл, сел на главное место и, глядя на собравшихся, сказал: «Князь Ли прибыл в мой особняк».

Председатель Чжао и остальные не были удивлены, ведь они только что обсуждали такую возможность.

Посмотрев на спокойные лица собравшихся, Лю Цзинсюань холодно усмехнулся и тихо добавил: «Как только князь прибыл, он взял под стражу Лю Саня».

Все вздрогнули, председатель Чжао не удержался и спросил: «Господин, что вы имеете в виду? Неужели Лю Сань проявил неуважение к князю?» Он хотел прямо спросить, не лжёт ли Лю Цзинсюань о том, что отношения Сяо Шаня с ним хорошие, и поэтому Сяо Шань сразу же отсёк им Лю Саня, его правую руку.

Если так, то им нужно было думать о другом.

Лю Цзинсюань оглядел его с ненавистью, его лицо покраснело от гнева: «Если бы вы не сказали этого, я бы не рассердился. Раньше, когда этот Лю Сань следовал за мной, он был таким сообразительным, а теперь вы так его обучили, что он совсем поглупел, его взгляд не простирается дальше четырёх дюймов. Я велел ему собрать немного денег за сход с корабля, сколько бы он ни собрал, это был бы доход. А он что? Не только собрал деньги прямо перед князем Ли, но ещё и разглагольствовал там, говоря, что он собирается поучить отца князя Ли. Кто отец князя Ли? Это нынешний император, тот, кого он посмел бы учить?»

«Вы же слышали о репутации князя Ли, разве он из тех, кто терпит такое? Кто такой этот Лю Сань? Перед князем он и пылинки не стоит. Только из-за этого князь рассердился, приехав в Лянчжоу, он не появлялся несколько дней, готовясь оставить меня на произвол судьбы. И только увидев, что процессия императорского посланника вот-вот прибудет, князь вышел. Если бы не ради наследного принца, он бы одним словом приказал убить и Лю Саня, и меня».

То, что Лю Сань делал на пристани, было легко проверить, и Лю Цзинсюань не боялся, что они проверят.

Все видели покрасневшее и распухшее лицо Лю Цзинсюаня, и в душе ругали Лю Саня за то, что он слишком зазнался и стал дерзким в последние годы, осмеливаясь говорить что угодно.

Видя, что все успокоились, Лю Цзинсюань снова сказал: «Князь в столице повидал многое, и ему нелегко было приехать к нам в Лянчжоу. Найдите для него место, чтобы князь хорошо

провёл время».

Услышав это, председатель Чжао сказал: «Господин, что вы имеете в виду?»

Лю Цзинсюань взглянул на него с презрением: «Это воля Его Высочества. Вы должны любыми способами угодить ему, приготовить всё самое лучшее, и через пару дней я представлю вас князю. Но я заранее предупреждаю: если кто-то посмеет проболтаться перед князем на этот раз, не вините меня за то, что я не буду церемониться».

Председатель Чжао и остальные, услышав это, немедленно согласились.

Они подумали, что встреча с Сяо Шанем означала, что им предстоит работать на наследного принца.

Разве такая вещь не могла не вызвать волнения, доказывая, что они скоро будут в одной лодке с наследным принцем?

—

Прошло ещё несколько дней, и когда свита достигла окраины города, Сяо Шань немедленно приказал части людей вернуться в столицу в тот же день, а другой части войти в город по первоначальному плану на следующий день. Только после того, как две тысячи гвардейцев рассеянно вошли в город, Сяо Шань и Цзун Цин заговорили о том, что хотят встретиться с торговцами.

В тот вечер, отправляясь на банкет, Се Чжуй переоделся в телохранителя и сопровождал Сяо Шаня.

Председатель Чжао и другие изначально планировали отправиться на самую большую плавучую беседку в Лянчжоу, двухэтажную.

Их плавучие беседки в Лянчжоу считались уникальными: на воде можно было смотреть танцы, слушать музыку, пить вино, любоваться фейерверками, а внутри были всевозможные красавицы и геры.

Как только весть об этом дошла до Сяо Шаня, он тут же отругал Лю Цзинсюаня. Он всю жизнь был не в ладах с лодками, и пусть плавучие беседки посещают те, кто их любит.

Лю Цзинсюань, в свою очередь, отчитал людей из Торговой палаты, назвав их недалёковидными. Разве принц никогда не видел лодок? В императорском саду в озере тоже можно было плавать на лодках.

Хотя председатель Чжао и другие были отруганы, они не рассердились. То, что Сяо Шаню трудно угодить, не имело значения, пока они могли ему служить, всё было хорошо. Все выбирали, выбирали, и в конце концов выбрали частный особняк с маленькими мостиками и текущей водой, где пейзаж был гармоничным.

Везде были расставлены очень изящные предметы.

Они намекали, что если Сяо Шаню понравится, они могут подарить ему этот особняк как временное пристанище.

Когда прибыли Сяо Шань, Се Чжуй и Цзун Цин, Цзун Цин, глядя на этот особняк, в душе вздохнул: таких усадеб и в столице найдётся немного.

Сяо Шань же поднял брови, изображая заинтересованность.

Однако этот интерес был направлен только на двор, а что касается председателя Чжао и других, то он даже не удостоил их взглядом.

Председатель Чжао и другие повидали немало чиновников, больших и малых, но принца видели впервые.

Высокомерное отношение Сяо Шаня они тоже стерпели.

Как и вначале, они терпели Лю Цзинсюаня: в любом случае, в будущем они будут в одной лодке, и сегодняшнее терпение завтра станет капиталом.

Они сидели в беседке посреди двора, с трёх сторон окружённой водой, и только один деревянный мостик вёл к ней.

Вода под беседкой была живой, журчащей.

Напротив, у искусственной горы, тускло горели огни. Возле горы, прямо в воде, стояла сцена для выступлений, обставленная очень изящно.

Из всей группы только Лю Цзинсюань мог говорить с Сяо Шанем. После того как они уселись, Лю Цзинсюань поднёс Сяо Шаню вино.

Сяо Шань лениво отпил глоток и сказал: «Разве вы не говорили, что подготовили хорошее представление? Я хочу посмотреть».

Лю Цзинсюань поспешно хлопнул в ладоши.

Напротив загорелись огни, занавес на сцене медленно раздвинулся, зазвучали шёлковые флейты и бамбуковые инструменты, и танцовщицы вереницей вышли на сцену.

Музыка была приятна на слух, танцы изящны и грациозны, это было поистине наслаждение для глаз и слуха.

В середине танца внезапно зазвучала пипа, и медленно вышла женщина с лицом, покрытым тонкой белой вуалью. Лицо женщины в свете фонаря было нечётким, но было ясно, что она была потрясающей красавицей.

И когда зазвучала пипа, сцена для выступлений вдруг задвигалась.

Только тогда все поняли, что это вовсе не сцена для выступлений, а двухэтажная плавучая беседка, просто замаскированная под сцену.

Когда лодка тронулась, возникло ощущение, будто красавица вот-вот окажется в объятиях.

Председатель Чжао с улыбкой посмотрел на Сяо Шаня.

Видно было, что на лице Сяо Шаня играет улыбка, и он просто спокойно смотрел на плавучую беседку, приближающуюся к павильону.

Когда звук пипы стал резче, движения танцовщицы на сцене стали ещё более нежными и страстными.

Когда лодка едва коснулась павильона, всё резко остановилось.

Люди на плавучей беседке встали и поклонились, их голоса были чистыми и приятными.

Все посмотрели на Сяо Шаня.

Сяо Шань поднял бровь, искоса взглянул на Лю Цзинсюаня, а затем с полуулыбкой сказал: «Господин Лю, это ваш сюрприз для меня?»

В его тоне не было ни капли удивления или радости.

Цзун Цин послушно сидел в стороне, молча. Се Чжуй чувствовал, что эта плавучая беседка режет глаз, и очень хотел её разнести.

Честно говоря, Лю Цзинсюань действительно считал, что игра на пипе была виртуозной.

Музыка и танец были прекрасны, это можно было назвать услугой для глаз и сердца, вызывающей восторг.

Но раз Сяо Шань так сказал, ему оставалось только встать и извиниться. И если он извинялся, председатель Чжао и другие должны были тоже прийти в замешательство.

Сяо Шань усмехнулся: «Господин Лю, вы говорите, что это сюрприз для меня, вы нарочно меня оскорбляете?»

Лю Цзинсюань поспешно сказал, что не смеет.

Сяо Шань холодно усмехнулся: «Почему бы и нет? Вы же знаете, что я с детства не люблю всякие стихи и песни. А вы сейчас устраиваете мне такое, нарочно не даёте мне радоваться, верно? Если бы вы действительно хотели меня порадовать, почему бы не устроить двух сверчков, чтобы они дрались?»

Все: «...»

Председатель Чжао и остальные подумали: как может этот князь Ли говорить такие вещи? Это же вульгарно. Разве это не означает, что он плохо учился, не имеет знаний и любит только смотреть бои сверчков?

Будучи принцем, он не боялся опозориться?

Сяо Шань не стал обращать на них внимания, он поднял глаза и кивнул в сторону группы торговцев: «Кто это?»

Лю Цзинсюань проследил за его взглядом и ответил: «Это председатель Торговой палаты Лянчжоу, господин Чжао».

«Арестуйте его», — холодно сказал Сяо Шань.

Лю Цзинсюань не ожидал, что он вдруг так резко нападёт, и на его лице появилось некоторое замешательство: «А?»

Сяо Шань равнодушно сказал: «У него нет ни чина, ни титула, он всего лишь торговец, но его одежда слишком роскошна».

Купцы имели низкий статус, и даже их одежда была регламентирована, но этот председатель Чжао был одет в шёлк и атлас, что сильно выделялось.

Лю Цзинсюань моргнул, а Сяо Шань снова посмотрел на остальных: «Я вижу, у этих людей тоже более или менее проблемы с одеждой, арестуйте их всех».

В беседке никто не двинулся, Цзун Цин хлопнул в ладоши, Се Чжуй встал перед Сяо Шанем.

Вскоре телохранители вошли один за другим.

Кто-то доложил, что охранники тех людей снаружи уже схвачены.

В замешательстве Сяо Шань сказал Лю Цзинсюаню: «Я думал, что люди, которые втянули тебя в это, обладают невероятными способностями, но теперь вижу, что это совсем не так. Я действительно не знаю, господин Лю, то ли ты настолько оглупел от учёбы, то ли изначально был недостаточно умён, раз не смог поймать нескольких торговцев за руку, а вместо этого сам попал в такую ситуацию, став их полной марионеткой. Это просто до абсурда смешно».

«В конечном итоге, все твои причины сводятся к тому, что ты сам захотел погрязнуть в наслаждениях».

«Самое правильное, что ты сделал в этой жизни, это то, что, зная о своей глупости, ты не стал втягивать наследного принца. Иначе твоему роду Лю не хватило бы девяти поколений, чтобы искупить вину».

—

<http://bllate.org/book/14491/1282526>